

*Руслан**Селяшкин*

ПИСАТЬ ПРАВДУ, И ТОЛЬКО ПРАВДУ...

Большой, маститый художник и крупный общественно-политический деятель Казахской ССР Габиден Мустафин, чей 120-летний юбилей со дня рождения приходится на 26 ноября текущего года, к счастью, не забыт на казахской земле и так же, как и прежде, в Казахстане почитаем, но, к сожалению, что по нынешним «продвинутым» временам не вызывает удивления, малознаком современным российским читателям, практически, в основной своей массе, переставшим интересоваться многонациональной советской литературой и замечательными писателями, составлявшими ее золотой фонд и оставившими после своего ухода в вечность огромное художественное наследие, требующее от нас не только его сохранения, а и нового прочтения и популяризации.

Да, именно нового прочтения, как бы при этом упрощенно не воспринимался нами тот или иной авторский текст и как бы далека от сегодняшних реалий не была тема того или иного произведения. И тут, разумеется, не стоит лениться, как не следует категорично и безапелляционно подходить к авторским задумкам и их конкретному воплощению, ведь время-то, когда они, писатели мустафинского поколения и их более молодые сменщики, писали свои романы, рассказы и повести, было совершенно иным, точно так же, как иной была сама духовная атмосфера, царившая в советском обществе, безусловно не идеальном, но всё же более сплоченном, высококультурном, тяготевшем к знаниям, самом читающем в мире, стремившемся жить по духовно-нравственным законам общечеловеческого общежития, верившем в добро и справедливость...

Искренне веривший в идеалы социальной справедливости, прошедший большой жизненный путь, уроженец местности Сартобе на берегу реки Нура близ будущего поселка Токаревка Тельмановского района Карагандинской области, сын хаджи Мустафы, учившийся грамоте у аульного муллы, а русскому языку у не шибко грамотного, зато правоверного заводского табельщика, а затем и в русской школе Спасского медеплавильного завода, и с юных лет вращавшийся в рабочей среде, познавший тяжесть, но и романтику изнуряющего физического труда, в молодые годы работавший регистратором в судебных органах тогдашней столицы Казахстана Кзыл-Орде, утвердившийся затем в качестве журналиста, – Мустафин, начавший свое писательство с небольших очерков, оставил потомкам литературное наследие внушительное и, что принципиально важно, не потерявшее своей

актуальности и привлекательности и сегодня, хотя, конечно, и его творчество не лишено было определенных схематичных, шаблонных подходов, некоторых упрощений художественных образов и сюжетных картин, приукрашиваний и неубедительности в представлении ряда своих героев, зачастую выступавших в чересчур положительном свете, чего, как известно, в реальной жизни, по существу, не бывает, так как природа человеческая изначально противоречива и идеальных во всех отношениях людей быть не может в принципе.

И тем не менее, не стоит сегодня Мустафина за это его «украшательство», не бывшее всё ж чрезмерным, как-либо винить. Ведь, по всей видимости, создавая образ того же Мейрама Омаровича, молодого секретаря городского комитета партии из известного, удостоенного в 1953 году Государственной премии Казахской ССР имени Абая Кунанбаева романа «Караганда», он не преследовал цели противопоставить этого своего исключительно положительного героя всем остальным, сделав акцент на его добродетелях. Нет, здесь писатель пошел вослед определенной неписанной традиции, существовавшей тогда в советской литературе, ориентировавшей авторов на то, что в создаваемые ими образы партийных работников следует вкладывать всё самое лучшее, представляя их таким образом такими героями-примерами, заслуживающими слов одобрения и в реальной жизни годящимися для того, чтобы следовать их путями, им же при сем и подражая.

Однако же, мустафинский Мейрам не стал в романе сильным, увлекающим за собой героем, при всей своей порядочности, душевности и доверчивости, которые, кстати, обращаются против него самого. В результате же он подпадает под влияние националистов, долго доверяет им и не спешит с выводами, будто не замечая их вредительства, приводящего к весьма печальным последствиям.

Посему, не вдаваясь в подробности тех сюжетных перипетий, еще раз подчеркну то, что Мустафин был писателем деятельным и со своим пониманием всего происходящего вокруг и того, что становилось уже историей и давало ему темы для творчества, воплощавшегося на бумаге. И все уязвимые места в его произведениях рождались не случайно, так как писатель был сыном своего непростого времени и жил тем коллективным настроением, который главенствовал в советском обществе. Тем более, что был Мустафин и убежденным коммунистом, вступившим в партию в 1940 году, и избравшимся позднее членом ЦК Компартии Казахской ССР, депутатом Верховного Совета Казахстана ряда созывов и депутатом Верховного Совета СССР шестого созыва. То бишь, человеком, имевшим свой устоявшийся взгляд на окружающую действительность и свои представления о том, какими должны быть

государственные и хозяйственные руководители, партийные и комсомольские вожаки, в общем, все те, за кем идут простые граждане.

Велика, безусловно, роль Мустафина и как руководителя Союза писателей Казахстана, возглавлявшего его дважды: с 1953 по 1957 годы в качестве председателя правления и в 1962–1966 годах в должности первого секретаря правления и много для писательского союза и казахстанских писателей сделавшего, в ущерб самому себе, своим творческим планам, на реализацию которых всегда катастрофически не хватало времени, быстро пробежавшего и не оставлявшего зазора для постоянных занятий литературным творчеством.

Вообще же, Мустафин, как писал известный казахский ученый-литературовед, профессор Серик Кирабаев, «...на своем долгом творческом пути был не свидетелем и сторонним наблюдателем, а активным участником литературного процесса, борцом за обновление искусства слова, одним из тех, кто поднимал его на вершины художественного мастерства».

«Он многое сделал для поворота нашей литературы к темам сегодняшней нашей жизни, – говорил о нем его друг и товарищ по писательскому цеху, выдающийся казахский советский писатель Габит Мусрепов. – Изображение современной действительности – дело нелегкое, оно не всегда и не всем удается. Габиден Мустафин растет, создает типические образы наших современников...» Да, Мустафин рос, и рост его происходил на фоне той жизни, со всеми ее радостями, победами, достижениями, горечами и бедами, которыми жил казахский народ на протяжении восьми десятилетий, выпавших и на долю Габидена, произведения которого потому-то и отличались меткостью, яркой образностью, изяществом выражений, ну, и, конечно, широким использованием богатств родного казахского языка, бывшего для него постоянным источником творческого вдохновения.

Начав писательскую деятельность с малых форм, придя в литературу из журналистики, Мустафин к писательскому труду относился взыскательно и строго, стремясь писать живо, с огоньком, поднимая серьезные вопросы и всецело вживаясь в характеры своих героев. «Настоящий писатель должен трезво оценивать свое творчество, – говорил Мустафин. – Где надо плакать, автор должен в одиночестве пролить слезу, где радостно, подобно ребенку порадоваться от души. Если труд твой не вызывает в тебе душевный трепет, то и читателя он не тронет. Если ты не мучаешься в поисках правильного слова, правильной мысли, не испытываешь счастье при законченной работе, то стоит ли браться за перо?»

Всегда стремился Габиден Мустафин идти и в ногу со временем. В какой-то мере его можно считать даже таким целеустремленным, последовательным разведчиком, и уже хотя бы потому, что он неизменно стремился браться за темы новые, малоосвоенные в казахской советской литературе. Сам же он так объяснял этот свой литературный интерес: «Я смотрю, какой участок нашей жизни не получил отражения в литературе, устремляюсь на этот участок и всегда нахожу там что-то новое, интересное, захватывающее, вдохновляющее меня на то, чтобы писать».

Большой творческой удачей писателя станет роман «Караганда», увидевший свет в 1952 году и в известной мере автобиографичный, так как Мустафин сам в молодые годы прошел путь от чернорабочего до журналиста, и однажды возникшее в нем чувство признательности рабочему классу и предприятию, приобщившим

его к своей кипучей деятельности и подсказавшим на практике, как и с кого брать пример в прокладке собственной жизненной дороги, – никогда его в последующей жизни не покидало, живя в нем и периодически о себе напоминая.

Но не в этом, конечно, главное достоинство этого романа, не потерявшего своей какой-то особой зажигаемости и сегодня. Автобиографичность же для него, – это лишь метод, позволивший писателю создать правдивое полотно, полное бытовой романтики, показывавшей новых людей, освободившихся от предрассудков прошлого и готовых своим самоотверженным трудом строить новое общество, где на передний план выдвигается труд, как ценностное мерило, способное людей объединять и сплачивать.

«Широкая степь, покрытая прошлогодней, желтой травой. На возвышенности, укрепленная толстыми проволочными растяжками, торчит старая, побуревшая от ржавчины железная труба. Она уже давно не дымит. Возле трубы пять-шесть приземистых барачков; кирпичные стены давней кладки потрескались и готовы вот-вот развалиться, их поддерживают лишь многочисленные подпорки.

За барачками тянутся груды угольной золы. В жару, чуть подует ветер, над поселком повисает черный туман. Но сейчас, ранней весной, земля и зола влажны – пыли нет.

Этот небольшой карагандинский поселок среди голой степи напоминает родимое пятно на широком лице человека».

Так начинается «Караганда», повествующая о советских людях, пришедших в канун пятилеток на заброшенные бежавшими хозяевами-концессионерами угольные шахты Караганды, дабы возродить их к новой трудовой жизни. Осуществив же это возрождение, в конце романа мы видим уже не только преображенных героев, а и новый город, который «лежал в двенадцати километрах от производства. Но шахты, непрерывно расширяясь, подступали к городской черте.

Повсюду на вершинах холмов видны шурфы, шахтные мосты, груды угля и породы. Между шахтами бегают поезда... Через каждый час подается состав специально для пассажиров... Чтобы доставить на работу или домой, с работы, всех рабочих, от поселков к шахтам курсируют автобусы... Потянулись улицы Нового города. Высоко поднялись многоэтажные здания. Пышно распустились в скверах молодые деревья. На площадях бьют фонтаны. Всюду кипит, переливается жизнь».

По существу, этому дивному превращению заброшенного кустарного промысла в третью угольную кочегарку Советского Союза, свершившемуся на протяжении менее чем двух десятилетий, и посвятил Мустафин свой роман.

При сем важно отметить и то, что писатель красочно и убедительно показал процесс изменения, преображения и эволюции простых людей, семей кочевников-казахов, пришедших в Караганду подработать на корову, овец или коня, поселившихся в вырытых близ шахт землянках временно, с вполне конкретной, незамысловатой целью. И вот, пройдя через невероятные трудности, лишения и ограничения, когда даже питьевой воды выдавалось на человека всего-то по полведра в сутки и из-за нее происходили драки, – люди на наших глазах постепенно растут и становятся сознательными рабочими, техниками, руководителями стройки, партийными работниками, быстро и прочно усваивая мораль и культурные установки нового, социалистического общежития. Так из отсталых кочевников они превращаются в людей современных, мыслящих по-новому и живущих жизнью

полнокровной, насыщенной трудом, но и обогащенной культурой, творчеством, практическими знаниями.

И надо сказать, что Мустафин в этом своем показе людских историй естественного роста и перевоплощения из малограмотных кочевников в активных рабочих, стремящихся к новшествам и желающих жить, трудиться, добиваясь впечатляющих результатов, – выводит ряд типических образов казахской действительности тех лет, выписанных им убедительно, реалистично и художественно ярко.

Возьмем, навскидку, того же степняка Жумабая, прикочевавшего в Караганду со всей своей семьей, человека темного и наивного, определявшего время суток по мычанию своей черной коровы, являвшейся для него главным предметом хозяйственных забот и радостей. Не сразу, но он, однажды прибывший к Караганде, чтобы не пропасть с голоду, идет в рост и вместе с ростом города и производства перевоплощается в одного из передовых тружеников предприятия, радующегося труду и живущего интересной, полноценной жизнью.

Еще более типичен образ Жанабыла – молодого парня, весельчака, остро-слово и затейника, приходящего на шахту из любопытства к невиданной новой жизни и готового приложить свои силы и пытливый ум к незнакомому, но, по всей видимости, интересному делу. Начиная с чернорабочего, он в дальнейшем не отказывается ни от какого дела; охотно лезет в шахту, вызывающую у других страх, с радостью становится к тискам, овладевая профессией слесаря, и начинает учиться, поэтапно поднимаясь по ступенькам карьерной лестницы, хотя, разумеется, само слово «карьера» не совсем уместно и применимо как к Жанабылу, так и к другим представителям его поколения, реально существовавшим и жившим на нашей многострадальной земле. И, тем не менее, в романе он растет стремительно. Вот Жанабыл уже стал механиком, затем инженером, и наконец руководящим партийным работником, слушателем Высшей партийной школы в Москве, ведущим за собой немалое количество людей.

Нет сомнений и в том, что Жанабыл – это в действительности один из самых живых, реалистичных и привлекательных характеров романа, сосредоточивший в себе наиболее типические черты передового казаха того бурного и духоподъемного времени, ассоциируемого в нашем понимании с начальным периодом эпохи социалистического строительства.

Значительны в романе и другие его герои. Так, упорный, настойчивый, вдумчивый и серьезный Акым сумеет стремительно пройти путь от неграмотного аульного парня до высококвалифицированного специалиста-горняка. А пожилой, работавший еще на концессии шахтер Ермек, с трудом овладевающий русской грамотой, в конце повествования становится одним из руководителей механизированной шахты. И он не только овладевает дополнительными знаниями, но и заряжается энергией молодых, своих дорогих «орлят», тем самым подтверждая незыблемость рабочей спайки, накрепко объединившей его с молодыми шахтерами, достойными продолжателями того дела, с которым накрепко связана вся предыдущая жизнь...

«Он шел по прямому как стрела, широкому и высокому коридору... Чем дальше тянулся этот ход, тем больше он уходил вглубь. На ходу уклон ощущался явственно. Большое число подземных ходов брало свое начало от этого коридора. Из них поступал сюда уголь. Этот большой ход был пробит бригадой Ермека. Каждая стойка знакома Ермеку.

Далеко впереди засветились огни ламп. Доносился глухой рокот отбойного молотка. В забое работала бригада Акыма, которого Ермек научил владеть отбойным молотком и которому передал свой инструмент. Сейчас Акым изо всей силы давил на молоток, крепко держа его в сильных руках. Светло стало на душе Ермека, так светло, словно в ней загорелась шахтерская лампочка.

– Руби, мой орленок! – крикнул он, подойдя к Акыму.

Несмотря на то, что Ермек был значительно старше своих любимцев Акыма и Жанабыла, он шутил с ними, как со сверстниками.

Акым всё глубже впивался стальным стержнем в твердую стену. Услышав голос Ермека, он неторопливо оглянулся. Лицо вымазано то ли грязной водой, то ли потом. Дышал он прерывисто, нижняя толстая губа опущена. На нем непромокаемый комбинезон, на голове – медная каска, ноги обуты в резиновые сапоги, грудь обнажена. Своей высокой и мощной фигурой, широко расставленными ногами он напоминал батыров старого времени.

– Кстати пришли, Ермеке, – сказал Акым, улыбаясь. – Вода сильно прибывает. Вы же мастер останавливать ее.

– Когда иссякнет, сама остановится. А если не иссякнет, камерон выкачает...

Эта ударная бригада в большинстве своем состояла из передовой молодежи. В бригаде нельзя работать небрежно. Если один отстанет – подведет товарищей, остановит их работу. Да никто и не позволял себе отстать. За шестичасовую смену не было случая и шестиминутного простоя. Ни один не пожаловался на усталость, никто не замечал, как идет время.

Ермек восторженно смотрел на ребят.

– Молодцы, комсомольцы! Ну как, даете десять процентов сверх плана?

Конечно, не только комсомольцы решали в бригаде успех добычи, но Ермек любил молодежь и всегда выделял ее.

– Можно и к десяти добавить! – послышались голоса.

– Спасибо, орлы, только хорошенько взвесьте свои силы.

– Тогда добавляем!»

Думается, что приведенная цитата многое в действиях Акыма и Ермека объясняет. И в первую очередь то, что Мустафин показал их как сознательных рабочих, заметно профессионально выросших, идейно окрепших, почувствовавших свою силу и осознавших свои перспективы, а также отчетливо представлявших текущие повседневные задачи, над решением которых они самоотверженно и работали.

Богат роман «Караганда» и на другие яркие образы. Есть в нем, как водится, и отрицательные персонажи, выписанные Мустафиным выпукло и с предельной достоверностью, благо, о вредительстве на производстве бывших ставленников зарубежных хозяев, тосковавших по старым порядкам, он, как вчерашний рабочий и журналист, знал немало и в подробностях.

Статичным в романе получился у Мустафина образ руководителя треста «Караганда», старого инженера, коммуниста, героя Гражданской войны Сергея Петровича Щербакова. Стараясь создать данный образ идеальным и непогрешимым, а через него высказать и свое уважение к передовым представителям русского народа, сыгравшим в развитии народно-хозяйственного комплекса Казахстана существенную и по-настоящему важную роль, Мустафин, наделив его, как и Мейрама, лишь всевозможными добродетелями, создал в итоге героя неподвижного, застывшего в своем развитии и на протяжении всего повествова-

ния не меняющегося, остающегося как бы на одной неизменной высоте, которую ему, по логике вещей, следовало бы обязательно преодолеть.

Привлекателен роман «Караганда» и тем, что самостоятельным героем в нем выступает сама Караганда, преображающаяся на наших глазах и переживающая свое второе рождение, позволившее на месте кустарных шахт возвести крупное механизированное предприятие, вместе с тем изменившее и сами условия труда и быта неутомимых тружеников.

Великолепно показал Мустафин и то, как вместо сырых землянок, оседавших над пустотами выработок, затапливаемых дождями и весенними водами, возникает огромный индустриальный город, освещенный электричеством, озелененный садами, с большим искусственным озером, с новыми современными комфортабельными домами, с нарядным зданием театра, и, что самое главное, с новыми, поверившими в свои силы людьми-творцами, готовыми ударно трудиться и ставящими перед собою конкретные и вполне достижимые цели, ориентированные на будущее, представляющееся им светлым, достойным и счастливым, в общем, таким, каким оно и должно казаться и видеться любому здравомыслящему человеку.

Изображению борьбы за превращение среднего крепкого колхоза в передовой колхоз-миллионер, развернувшейся между демобилизованным офицером Жомартом и старым председателем колхоза коммунистом Жакыпом, Мустафин посвятит свой роман «Миллионер», писавшийся им в 1948–1949 годах.

Конфликт этого романа для тех лет, когда он писался, не был из ряда выходящим. Скорее наоборот. Послевоенные годы, потребовавшие от многих отраслей народного хозяйства очередной мобилизации сил и средств, настойчиво выдвигали, как первоочередную, проблему преемственности кадров и выдвижения повсеместно на первые роли людей более молодых и энергичных, вчерашних фронтовиков с незашоренным сознанием, не страшившихся хозяйственных новшеств и не игнорировавших постоянно повышавшийся культурный уровень рядовых работников.

Фактически, именно таким и видим мы молодого агронома, приехавшего в родной колхоз поднимать его на новый уровень. А вот шестидесятилетний Жакып, когда-то создававший эту артель и выводивший ее в передовые и зажиточные, перестроиться на современные рельсы уже не может, опасаясь нововведений и всего того, доселе ему неизвестного, что они с собою неизбежно несут.

Противопоставляя в романе эти два непохожих характера, Мустафин ставит в повествовании и вопрос о месте национальных традиций в жизни казахского народа, – как говорит нам писатель, не до конца тогда еще изжившего повадки феодально-родового уклада, при котором, как известно, необычайно сильны были как раз родственные и родовые связи, в избытке наполненные старыми предубеждениями.

Заметным в «Миллионере» выступает и образ дочери Жакыпа – учительницы и секретаря колхозной парторганизации Жанат, человека идейного, передового, стремящегося к знаниям и верящего в их организующую силу.

Кстати, в соответствии с правдой жизни, Мустафин в романе поведает и о том, что признание авторитета дочери дастся Жакыпу не без серьезной внутренней ломки и срывов, и переступить ему через мусульманские традиции, подчиняясь своей дочери, как образованному человеку и партийному секретарю, было в действительности сложно и болезненно.

Рисуя картины послевоенной колхозной действительности, Мустафин, показывая колхоз, возглавляемый Жакыпом как бы изнутри, говорит и о том, что при высоком уровне трудодня в нем наблюдаются примеры слабой культуры хозяйствования, такие как, к примеру, отсутствие в нем электричества.

А колхозники между тем перед выходом на поля работают за письменным столом, открыто заявляя о своих общекультурных интересах. И эта правда жизни была для Мустафина, и как для писателя, и как для коммуниста, принципиально важна. Именно на ней он пытался выстраивать сюжетные линии и те конфликты, разрешению которых он и посвятил этот роман, ставший заметным явлением в казахской советской литературе конца 40-х – начала 50-х годов прошлого столетия.

О жизни крестьян Мустафин будет говорить и в своем романе «Шиганак», первоначально имевшем название «Шиганак Берсиев», написанном им в 1945 году и посвященном жизни и творчеству прославленного казахского селекционера-мичуринца, агробиолога-самоучки Шиганака Берсиева, поставившего перед собой цель вывести засухоустойчивое просо, которое могло бы расти в полупустынных степях, занимавших весьма обширные пространства казахских земель.

Шиганак Берсиев, которому благодарные потомки годы спустя воздвигнут у входа в Казахстанский павильон на ВДНХ в Москве памятник, в романе действует живо и энергично. Сначала он стремится обводнить большие земельные просторы, но, осознав, что это не под силу его колхозу, а требует специальных государственных мероприятий и дополнительного времени, он направляет свои усилия к тому, чтобы поднять жизнь своего колхоза гораздо скорее, чем может быть продумана и сооружена огромная оросительная система. А вместе с тем он начинает выводить путем скрещивания новый засухоустойчивый сорт проса и в этой связи связывается с академиком Трофимом Лысенко, вступает с ним в переписку и добивается того, что создает сорт проса, дающий непременно большие урожаи на засушливой земле.

Изображая главного героя, Мустафин не забывает и о том, чтобы показать его окружение – передовых колхозников, стремящихся ударно трудиться и становящихся сознательными и культурными людьми. И надо сказать, что для тех лет обращение к таким образам имело принципиально важное значение. Любопытно, между прочим, об этих людях читать и сегодня, неспешно наблюдая за тем, как они перестраивались, освобождались от предубеждений прошлого, росли в личностном плане, овладевали знаниями, приобщались к культуре, задумывались о настоящем и будущем, искренне стремясь сделать их краше, зажиточнее и благополучнее.

С тех пор прошло более семи десятилетий, жизнь поменялась кардинально, и те мустафинские образы давно стали достоянием истории. Но в том-то и дело, что образованные, культурные, патриотично настроенные люди не могут не знать своей отечественной истории, и обращение к ней для них так же обязательно, как знание основ точных наук, объясняющих большинство природных и рукотворных явлений, с которыми мы постоянно сталкиваемся по жизни и без которых она нам уже не мыслится и не представляется. И постижение исторических вех и событий в жизни Казахстана первой половины XX века, путем обращения к прозе Мустафина, вне всякого сомнения, станет куда более интересным и увлекательным,

нежели чтение сухой учебно-документальной литературы, тем более, что писал Габиден доходчиво, доступным языком, не затягивая, но и не упрощая свои тексты и вводя в них персонажи, типичные для тех лет, которые он описывал. Поэтому и не теряет его проза, в свое время неплохо переведенная и на русский язык, своей свежести и привлекательности, следовательно, к ней следует обращаться и впредь, в том числе и тем, кто живет далеко от Казахстана, но по-прежнему ощущает себя маленькими частицами большого и сильного государства, объединившего сто лет назад под своими сводами не только необъятные земли, но и большое число малых и больших народов, со своими традициями и обычаями, чаяниями и стремлениями, познания о которых каждого из нас, независимо от того, к какому народу каждый из нас принадлежит, лишь духовно и нравственно обогащают и ориентируют на то, что всем нам суждено жить рядом, вместе, дружно, в мире и согласии...

Годам НЭПа, по-своему отразившимся в жизни всё еще кочевой в то время казахской степи, Мустафин посвятит роман «После бури», увидевший свет в 1959 году. А о трудной жизни юноши, пытливо и настойчиво ищущего правильный путь в тревожной, взбаламученной войной и двумя революциями степи, где всё перевернулось с ног на голову, писатель просто и незамысловато расскажет в автобиографичном романе «Очевидец», написанном им в 1963 году и ставшем первым в задумывавшейся Мустафиным трилогии.

Трудно было понять юному Сарыбале, на чьей стороне правда: на стороне тех, кто веками распорядился жизнями и душами простых степняков, «отцов-благотетелей» – баев, или же она за теми, кто сверг «божественную» власть белого царя, баев и звал за собой в новый незнакомый мир, в котором «кто был ничем, тот станет всем».

Многому предстоит научиться Сарыбале, за которым просматривается сам Габиден. И прежде всего русскому языку. Непросто он ему давался, но тяга к нему и желание учиться в русской школе сделали свое дело.

«Красная школа, о которой он так мечтал, теперь мучает его. Он столкнулся с такими предметами, как десятичные дроби, русская грамматика, русская история, география... Раньше учебники Сарыбалы размещались в карманах, а теперь не влезают в большую сумку. Ни один урок не дается Сарыбале сразу. Из каждых десяти русских слов ему понятно только одно. “Э-эх, если бы знал я этот язык!” – с тоской думал мальчик...

“Не ученье, а мученье, – переживал Сарыбала, – брошу и уеду в аул...” Но вспоминалась тяжелая жизнь безграмотных и бедных аулчан, и возвращаться к ней не хотелось. “Безвольный я, глупый!” – сердился Сарыбала на самого себя. Внешне он был спокоен, но в душе переживал. Он стал плохо спать по ночам, но никому не жаловался. Старательный, исполнительный, вежливый, он никому не делал плохого и особого внимания к себе не привлекал. Но вместе с тем был независим и воспитывал в себе чувство собственного достоинства. “Если я кому-нибудь понадобится, тот придет ко мне сам, если я не нужен другим – кланяться не буду”, – говорил себе Сарыбала».

Такое самовнушение и самовоспитание для Сарыбалы, а, почитай, Габидена, сына уважаемого, но малоимущего хаджи Мустафы, не прошло бесследно. Для своих шестнадцати лет Сарыбала становится вполне грамотным человеком. А это повлияет также и на то, что после своей женитьбы на богатой невесте Батиме,

которой жадный отец-бай Аубакир, желавший приобрести родню, более близкую к новым хозяевам жизни, практически не выделит даже приданого, он будет гонцом и посыльным, то бишь по тем временам человеком уважаемым, даже в какой-то мере наделенным определенными полномочиями.

Разъезжая по степи, на которую как бы пришла власть Советов, Сарыбала между тем продолжает видеть примеры вопиющей несправедливости. Попав однажды на свадьбу, а если точнее, то на церемонию покупки богатым отцом своему не слишком видному и не обладающему умом сыну красивой, но бедной жены, Сарыбала закипает внутри, и между ним и его спутником, более старшим и практичным посыльным Атушей происходит следующий разговор, показывающий то бесправное положение, какое было в те годы у казахской женщины.

« – Разлука с такой девушкой – горе не одной семьи, – сказал Сарыбала. – Асия – звезда не только для старика, но и для всего аула. Свою радость они отдали в чужой аул, на вечное горе.

– У любой невесты глаза на мокром месте. Они всегда режут понарошку, – махнул рукой Атуша. – А какой жених ей нужен еще? Сын пророка, что ли?

– Неужели такой болван ее достоин? Ты ее совсем не жалеешь!

– А чего жалеть?! Невеста и жених первым делом ищут себе хороших родственников. Если родственники подходящие, то всякие “согласна, не согласна” в расчет не принимаются. Толстяк правильно сказал – привыкнет. Не она первая, не она последняя, видели таких немало.

– В старое время люди вынуждены были мириться с такой несправедливостью, но теперь время другое.

– Ты думаешь, невеста не знает, какое сейчас время, какие законы? Знает. Она поехала из-за родных жениха. Скота у них много, а любому казаху, мужчине или женщине, всегда хочется быть богатым. Об этом мечтал не только ее жирный отец, но и она сама думала. Разве есть человек, не ставший рабом своего брюха?

– Значит, все твои мысли упираются в брюхо?

– А как же иначе?

– Тогда чем же, по-твоему, человек отличается от животного?

– Вот те на!.. Человек хуже животного! Люди друг друга обманывают, насилюют, грабят. Ты жизни не знаешь, а мне пришлось околачиваться возле многих правителей, толковых людей, и я понял кое-что. Человечность – это болтовня. В душе каждого сидит черт...

– Тебя наверняка сбили с толку те самые «толковые люди» – бай, правители-грабители. Надо брать пример не с них, а с новых и честных людей».

Сарыбала не желает мириться с несправедливостью. Не хочет он быть и рабом своего брюха. Не по дороге ему и с «правителями-грабителями».

Пройдет пара лет, и Сарыбала будет назначен начальником волостной милиции. «Характер Сарыбалы с возрастом стал тверже и определеннее. Если уж он поверит кому-либо или во что-либо, то трудно его разуверить. Сарыбала смело принимал решения, которые казались ему правильными, не колебался там, где другие начинали лавировать. Скрытая в нем сила будто дремала и ждала подходящего случая, чтобы развернуться во всей полноте.

По утрам, едва он занимал свое место за столом в кабинете, к нему уже шли с жалобами просители. Шли за правдой, справедливостью, надеясь на беспристра-

стие и великодушие. Обидчиков мало, но обид, нанесенных ими, очень много. Нередко Сарыбала приходил в отчаяние, но внешне держался спокойно».

Рассказ о Сарыбале прерывается на том, что он сдает дела новому начальнику милиции и уезжает в родной аул. В планах у него «обзавестись семьей и поехать в столицу Казахстана, чтобы учиться».

Что ж, историю Сарабалы, сформировавшегося молодого человека, воспринявшего Советскую власть и решившего жить по-новому, Мустафин завершает на оптимистической ноте. Недаром, наверное, в самых последних строках этого небольшого по объему романа, в письме Сарыбалы начальнику уездной милиции присутствуют и такие слова: «...Достаточно мне врагов, нажитых здесь своими честными поступками. Пускай бьют меня жалобами и дальше. Они могут поранить меня. Раны эти зарубцуются, а душу, мое сознание им не отравить никогда. Кто крепок духом, тот побеждает батыра. Кто красив душой, тот красивее всех красавиц, не так ли? В эту истину я верю непоколебимо...»

«Очевидец» – роман большого воспитательного значения, и, как представляется автору данных строк, его следует прочесть прежде всего тем, кто начинает только формироваться в качестве полноценной, свободной личности и приобретать собственный характер, словно почерк, такой же самостоятельный и индивидуальный. И при том, что в фокусе романа процесс становления молодого человека на фоне событий столетней давности, сегодняшней молодежи поучиться у благородного, честного, порядочного, совестливого Сарыбалы есть чему. Да и преемственность поколений, что ни говорите, а имеет чрезвычайно важное значение, тем паче у казахов – народа, чтущего и уважающего дальних предков, всех старших, традиции и обычаи.

Интересен мустафинский «Очевидец» еще и тем, что в нем, словно в сокровищнице, присутствует немалое количество пословиц, поговорок, мудрых изречений, звучащих из уст хаджи Мустафы и других героев повествования. Вот некоторые из них: «Родина – мать, кому охота разлучаться с матерью!»; «Зачем бог создал вора, если не дал ему ни гнезда, ни детей и сделал его жизнь хуже волчьей?»; «Лучше быть честным, чем богатым»; «Выпрашивать что-либо – значит продавать совесть. Лучше умереть, чем жить без совести. Пусть мошна пуста, да душа чиста»; «Никакой талант в отсталой, темной среде не может развиваться, нужен свет знаний. В темноте человек не может идти, вслепую далеко не уйдешь»; «Если есть рядом река, зачем искать колодец в другом месте? Если человек прославился умом, зачем упрекать его происхождением?»; «В мире много дел, всех не переделаешь. Лучше гнаться за чем-нибудь одним, а не за всем сразу»; «Человек больше счастлив, когда удовлетворена душа, а не желудок»; «Лучше быть умным, чем денежным. Деньги портят человека, ум исправляет»; «Когда есть счастье, ничтожное становится хорошим»; «Мир интересен добрыми отношениями. Если расстаешься в дружбе, то и встретишься в радости»; «Стригунок, играя с жеребцом, может себе сломать хребет»; «Ветка дерева клонится от плодов, умная голова – от познания»; «Придет хороший гость – овца принесет двойню, придет негодяй – и вода исчезнет»; «Бедный казах запасает ложками, а бескормица забирает у него черпаками»; «Если человек подл, то никакой внешней благопристойностью он не обманет ни бога, ни народ, пусть хоть сто раз творит намаз»; «Бедняку один раз наестся досыта – уже полбогатства»; «Лучше быть бездомным бродягой, чем терпеть унижения»; «Из песка не получится камня, из раба не получится вождь» и др.

Ведущий писатель республики, классик казахской советской литературы, влиятельный общественный деятель, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, кавалер двух орденов Ленина, орденов Октябрьской Революции, Отечественной войны 2-й степени и двух орденов Трудового Красного Знамени Габиден Мустафин никогда не тяготился своей славой и народным признанием. «Отец был очень простым человеком, – вспоминала о нем его дочь, ученый-офтальмолог, профессор Жанар Мустафина. – И его простота многих ошеломила. Он был доступен для всех, с интересом и на равных общался с чабанами, с шахтерами, с министрами, академиками. Он как будто тысячу лет знал даже случайного своего попутчика. Чего-то показного в нем не было не единого грамма. Спокойный, даже немного флегматичный, и весь как на ладони. Открытость, честность и простота – главные черты его характера».

Габидену Мустафину суждено было прожить большую, непростую, но яркую жизнь. И прожил он ее во всех отношениях достойно, оставив по себе добрую память, продолжающую жить в Казахстане, руководство и общественность которого немало сделали и делают для ее сохранения, а вместе с тем и для популяризации его жизнеутверждающего, оптимистичного творчества.

Пускай же продолжает жить эта светлая память, и не только на прекрасной казахстанской земле, но и в России, к которой писатель всегда испытывал самые добрые и искренние чувства, будучи принципиальным и последовательным интернационалистом, сторонником межнационального единства, дружбы и взаимопонимания между народами, населявшими некогда Советский Союз и населяющими уже в настоящее время наши дружественные, хочется верить, братские страны.

г. Симферополь

